

Белла Кердман

Похожая фамилия

Это знакомство состоялось в нулевых годах нынешнего века. По цепочке знакомых и незнакомых одесситов поступила информация, что в одном из хостелов Израиля проживает наш земляк, который может представить для меня профессиональный интерес. Я тогда еще легка была на подъем «ради нескольких строчек», жив был приятель, всегда готовый сесть за руль своего старенького авто, и мы пустились в путь.

Григорий Львович Чоклин родился в 1921 году. Из его сверстников-мужчин не многие оставались к тому времени в живых: двадцатилетние к началу войны, они сразу попали в ее мясорубку. Гриша на тот момент был второкурсником Одесского музыкального института, и его мобилизовали на оборону города, как и прочих студентов. Он помнит, как они сбрасывали в море камни, а зачем это делалось, уже забыл. Когда же оборону решено было прекратить (самим товарищем Сталиным решено, защитники города готовы были и дальше держаться), Чоклин пристроился к морским пехотинцам, уходившим в Севастополь. А что ему еще оставалось: свою скрипку, а потом и балалайку он променял на хлеб, родители живут в Виннице, что с ними – неизвестно, там уже немцы, да и сюда они вот-вот заявятся... Уходить надо из Одессы, пока не поздно! Ребята морпехи были на подбор высокие, а он ростом не вышел – маленький, щуплый, даже винтовка ему непомерно велика. Но коротышка Чоклин нашел себе короткий кавалерийский карабин и встал в строй замыкающим.

Не успели отплыть – несутся на них то ли румыны, то ли немцы! Без единого выстрела. Чоклин за огромным валуном спрятался, но его тот румын (или немец) штыком достал, прямо в грудь пыр-

нул. «Вот!» – Григорий Львович распахивает рубашку и показывает белесую скобу шрама на заметной вмятине в центре груди.

Повезло тогда, что ранение не было проникающим. Заштопали медики, и в Севастополе вчерашний студент снова встал в строй. И защищал тот город-порт, пока не наступил момент его оставить. Воевал не хуже иного богатырской стати бойца: два ордена Отечественной войны (первой и второй степени) и медаль «За отвагу» – это память о Севастополе. И еще память: пуля в левой ягодице до сих пор сидит, хирурги изымать ее не рискуют – в какой-то важный кровеносный сосуд уперлась.

А в чем же его отвага была – та, что медалью отмечена? Ведь такую медаль солдату за личный подвиг давали. А это и было личное Чоклина отличие! О котором он рассказывать почему-то не хочет. Мнется, отнекивается. Потом, когда его удалось уговорить, и он с явным смущением раскрыл этот свой секрет, становится понятно, в чем там было дело. Группе ребят перед уходом из Севастополя было приказано взорвать немецкую пушку, которая поливала огнем подступы к порту. Подползали, сколько можно было, поближе. Но нет, не достать: мешает неглубокая канава, по которой стекают нечистоты из сортира. Старший группы говорит: «Вот тебе, Чоклин, две гранаты и – вперед, по канавке, рвани эту сволочь к растакой немецкой матери! Другого кого сразу заметят, а ты у нас самый маленький, проберешься». Он и подобрался по нечистотам к пушке на близкое расстояние, и обе гранаты бросил, и разнес ту вражескую огневую позицию в куски!

Самому герою тоже досталось, так что на катер, вывозивший раненых из города, врач внес его на руках. Но в это самое время в не успевший отойти катер ударило бомбой, он стал тонуть. Тот же врач подхватил своего пациента на руки и двинулся с ним к крейсеру. На боевой корабль никого не пускали, но перед врачом в белом все расступались. Он поднялся на палубу и уложил свою ношу – раненного бойца Чоклина – под пушкой. А сам вернулся на берег – помогать, кому еще можно было помочь. Через пару дней доктор, спасший Грише жизнь, застрелился, чтобы не попасть в руки немцев. Его звали Марк Ефимович Шарапан, он был евреем.

А потом были тыловые госпитали, где рядового Чоклина восстанавливали. В армию он вернулся, только уже не на передовую.

Определили его как человека грамотного и аккуратного при штабе Харьковской дивизии: выдавать и принимать военные карты. Эта дивизия, между прочим, стояла после войны в Одессе, на Ближних Мельницах. Там он и обретался при своих секретных картах вплоть до демобилизации в 1971 году. Тридцать лет военного стажа за спиной человека!

Вернемся, однако, в те роковые сороковые. Повезло тогда выжить не только ему, Грише Чоклину, а и его родителям, хотя шансы на то были близки к нулю. Брану, его маму, которая была дочерью винницкого раввина, прятали от оккупантов поляки-католики в костеле. И спасли еврейскую женщину, рискуя своими жизнями. А отца отправили из города до того, как туда вошли немцы: группе мужчин, в их числе и Лейбе Чоклину, поручили угонять собранный по колхозам-совхозам скот на Краснодон, чтоб врагу не достался. Они и погнались, степями. Вышли к Дону, а город уже бомбят, и через переправу беженцев не пускают: армия отходит. Лева предлагает мужикам-погонщикам перебраться на другой берег вплавь. Нет, они боятся. А он, человек отважный, схватил попавшую под руку доску – и в воду! И переплыл Дон. В одиночку!

В какой-то шахте сперва затаился, потом вышел, осмотрелся. Попросился в будку к сапожнику – погреться. И стал тому кустарю помогать, за кормежку. Он же, Лева Чоклин, был классным сапожником, даже заготовщиком. Однажды зашел в ту сапожную будку полковник, спросил: не могли бы ему сапоги по мерке сделать? «Нет, – ответил хозяин будки, – это невозможно». «Да!» – вызвался его приبلудный помощник, он это умеет. И сапоги полковнику стачал, да такие, что тот забрал Леву аж в Челябинск и определил там на предприятие, где делали обувь для высоких чинов Советской армии...

В Израиль ветеран приехал в 91-м, вдовцом. Дочь и сын со своими семьями отправились в Штаты. Григорий Львович ездил к ним в гости, дважды. А оттуда к нему приезжал один из внуков, Дима. Он спортсмен, тренирует в Нью-Йорке футбольную команду. Дед подарил парню кое-что из своих военных наград. Пусть, если человек интересуется... Другой его внук, Юрий, совершил алию вместе с дедом и определился в полицию Израиля. У него своя семья.

Поселили репатрианта Григория Чоклина в благоустроенном хостеле города Лода, он стал получать пенсию инвалида войны. Держится молодцом: каждое утро – пробежка, потом 30-40 приседаний, вес его в течение многих лет не превышает 52 килограммов. Он закатывает штанины, демонстрируя икры ног: ни пятнышка, ни прожилки на коже. Маленький, пропорционально сложенный атлет. В 86, напомним, лет!

Он стал своего рода знаменитостью в среде обитателей хостела: играет на нескольких инструментах, знает множество песен, причем помнит все слова, чем похвастать может не каждый! Однажды к ним с концертом пожаловали самодеятельные артисты из другого хостела. Стали исполнять «Катюшу» и... на середине забыли текст! Из зрительного зала делегировали Гришу Чоклина, который слова знал и помог допеть песню...

Григорий Львович берет в руки свой инструмент. «Мандолина?» – спрашиваю. «Нет, мандолина – пузатая такая, а это мандола». Он говорит, что знает множество одесских песен, штук сто, наверное. Кое-что напевает. Ну, там у него всякое собрано, не столько одесское, сколько дворовое, вагонное, а то и забытое советское или из народного еврейского творчества. Ах, эти песни! Ему бы с ними в «Нашу гавань», вот бы сорвал аплодисменты!

«...Сирота я и калека, мне пятнадцать лет. Укажите, люди, кто мне даст совет...»; «Наш Абраша был завхозом и творил дела на ять...»; «Нельзя сравнить прибой с арыком...»; «На всех врагов тахрихим надеваем, Привет, Одесса, родина моя!». В таком духе, словом. К сожалению, ничего у него из этих песен не было записано. Возможно, там нашлось бы и что-нибудь, представляющее серьезный интерес.

...Ловлю себя на том, что всякий раз вместо «Чоклин» так и тянет написать «Чонкин». Возможно, не случайно это. И тут не просто созвучие фамилий. Маленький солдатик, по сточному отводу добравшийся до немецкой пушки в Севастополе и рванувший ее к долбаной матери, чем-то напоминает знаменитого героя Владимира Войновича из повести «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина», хотя я не уверена, что он это читал. Такой еврейский вариант Чонкина. Человек, кстати, похожий на свою фамилию...

Стоп! Я припоминаю, о ком так говорили в редакции одесской «Вечерки», где я проработала десять лет. При фотокорреспонденте Михаиле Рыбаке одно время обретался некто вроде ассистента или помощника. Вне штата, фотолюбитель. Маленького роста, щупленький, похожий на подростка. Что-то с ним вечно приключалось, из-за чего шеф Миша Рыбак гневался... О нем еще говорили, что похож на свою фамилию. Да, точно: его звали Саша Чоклин! И этот Саша, оказывается, – сын ветерана войны Григория Львовича Чоклина, с которым я познакомилась в хостеле города Лода. Надо же: тот самый сын, что живет теперь в Америке...

